

А.К.Зепевакова-Киселева

Из книги: МОНОЛОГ

ОТЧЕГО ЗАГОРАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ?

А куда исчезают звезды
В голубой полосе зари?
То, что небо ромашкам

— роздаю

Прячут рыжие муравьи.
Там, где хвойные шьет настой
Золотая шляпка гриба,
В муравейнике под сосной
Есть глубокие погреба.
Как же вновь загорятся

— звезды?

Под звенящий полет косы
Им отдаст красоту морозный
Серебристый налет росы.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПАРК

Каналы, мостики, каналы...
По-деревенски — благодать.
А он, державный и усталый,
Кого-то выныщит опять.

И двух веков опальной славы
Своих торжественных аллей
Вручит наследнику державу:
— Прими с миром и владей!

СУЗДАЛЬ

"... на пороге
как бы двойного бытия!.."

Ч.Тютчев

О, просветленность —
суздальских берез!
Самосозненье свечек-колоколен,
Когда по-нестеровски чист
и строен
Вступает город в полноводье звезд.
Березы настороженно-тихи,
Закат приходит исподволь...
и рано.
И в предзакатном Суздале так странно,
Так медленно уходят стены храмов
На дно заката, в холодов туманов
И сумерки, сирые от реки.

—
Когда с покосов-патриарших
Россия оглушила медь:
И быти веку при "Тысячелетии",
И песен свадебных не деть.
Когда под голос колокольный
Смирятся Суздаль и Ростов,
Возникшие под своевольным
Талантом русских мастеров.
Когда не голос инородный,
А русским выжитая медь
Валела: игрищем народным
Неснати, русскому — не деть.
Тогда, сдвигавшийся по дымам
Скитам, не ведах человек,

Что он готовит мой всемирный,
Мой атомный и грозный век.

—
Все — вод озерных ток,
телеги-дальней стук
и сумрак вечеров —
мне близко и волнует.
Я подсмотреть хочу
всех тайных сил исход —
вод помрачение,
лавин обвалный сход,
лицо-твое,
когда тебя целую.

—
Я ела ягоды с руки
Любви безумьем одержима,
А жизнь текла неудержимо,
Такла забвенью вопреки.

Я ела ягоды с руки
В дугах, в полуденном их звоне,
И этот день был так бездонен,
Как будто встал со дна реки.

Играло светом на щеке
Тепло расплавленного лета.
И мне казалось, счастье где-то,
Как эти ягоды в руке.

Я ела, горечь и беду
Не распознав в любовном сопе,
Оно казалось мне высоким
То, что привиделось в бреду.

И в травах солнечных весь день,
Где полдень ласковый вразброде,
Мне на лицо ложилась тень,
Которая с него не сходит.

ГРОЗА В ГОРАХ

Была обвалом, грохотом
Раскатов артиллерии,
Живой картечи всполохом
Гуляла по ущелью.
И были камни сколоты,
И тишина расколота,
И ливень был по грядам.
В ночи казались жуткими
Притихшим соснам рядом
Разрывы с промежутками
Взбесившихся разрядов.
И ночь, огорошенная
Основ ее крушением,
Железные горошины
Вершили разрушение.

Ну что, — курортный Самарканд?
Ты точно так же за туманом
Вдали от северных аркад
Прямись ряды своих платанов?
И лучезарен Регистан,
И тонким пестрым шалком стан
Охвачен у твоих узбечек?
И погремущи черных кос,
И тибетск шитых фери
В толпе мелькает бесконечно?

И ТОЧНО ТАК ДЕ КАК ОРГАН —
Твой ритуальный барабан —
Гудит на площади огромной
Восточный красочный базар,
Где театральны голоса
И жесты красочно условны.
А город мой дождем богат,
Едва в туманах обрисован,
ТАК переделен он, что снова,
Как сквозь мироз, сквозь строй аркад
Я различаю Самарканд.
